

Цивилизация-должник: вызов и ответ

Решая проблему долга, общество и индивид должны будут менять свои ценности и институты — прежде всего формы совместности-общности-коллективности | **АЛЕКСАНДР КУСТАРЁВ**

Reporter: Mr Ghandi, what do you think about Western civilization?

Ghandi: Western civilization? It would be a good idea...

Перемен, мы ждем перемен! (*Виктор Цой*)

Трудно избавиться от ощущения, что нынешний кризис это не просто циклическая корректировка структурных диспропорций мировой экономики, а что-то гораздо более интригующее и фундаментальное. Можно, например, увидеть в нем спазматический эпизод «общего кризиса цивилизации», зародившейся в Европе на исходе Средневековья и принявшей свой нынешний вид в ходе эволюционного процесса, который привычно называют «модернизацией», «прогрессом», реже «рационализацией», а также «индустриализацией» («урбанизацией»), «экономическим развитием» и т. п. Эту цивилизацию обычно именуют «западной». В ней усматривают два модуля¹ — «капитализм» и «социализм», но нередко различие между ними находят не столь уж существенным².

О неизбежности кризиса западной цивилизации говорят давно — еще с тех времен, когда она явно находилась на подъеме. Сначала эти пророчества были сугубо иррациональными, долго сохраняя рудименты

средневековой эсхатологической образности и риторики.

Потом появились разные варианты рационализации всё тех же настроений. Мальтус заговорил об угрозе перенаселенности. Затем появился Маркс с указаниями на неразрешимые противоречия капитализма. Циклические кризисы, кстати, толковались именно как симптом этих противоречий. Марксисты московской школы усиленно разрабатывали понятие «общего кризиса капитализма» и ожидали его, как средневековые милленаристы ждали «конца света». В начале XX века пессимистический взгляд на западную цивилизацию приобрел еще один оттенок у Макса Вебера, заметившего парадоксальное самовырождение духа капиталистического предпринимательства (этого мотора цивилизации) сразу в двух направлениях — бюрократизации и потребительского гедонизма. Освальд Шпенглер добавил к этому биоэволюционистскую метафорику и предсказывал «старческий склероз» западной цивилизации, которую он в ее поздней

фазе предпочитал называть уже не «капиталистической», а «социалистической». Неолибералы в духе Мизеса – Хайека окончательно пришли к апокалиптическому толкованию «социализма», хотя в отличие от Шпенглера видели в нем не завершающую фазу капитализма, а его тупиковую альтернативу. Неизбежность конца как будто бы предвещал и закон убывающей отдачи (*diminishing return*). То же самое можно сказать и о втором законе термодинамики с его фаталистической идеей возрастания энтропии. К «термодинамической» аргументации в наши дни охотно прибегают экологи-алармисты³.

Все эти представления о неизбежном крахе западной цивилизации вроде бы начали подтверждаться в начале XX столетия: не случайно был так силен милленаристский элемент в Русской революции при всей ее рационалистической оркестровке. Но после «смутного времени» – периода между Великой депрессией (1929–1932) и концом Второй мировой войны – западная цивилизация словно бы обрела второе дыхание и даже достигла небывалых успехов. Однако ныне стало ясно: эти достижения были оплачены средствами, взятыми в долг. Уже почти 80 лет, хотя и с перерывами, долг нарастает, и, например, бюджетный дефицит США в 2009 году превысил 11 проц. – это больше, чем сразу после Второй мировой войны (то есть в совершенно чрезвычайной ситуации). Почти во всех ключевых странах Севера сумма долга соразмерна с годовым ВВП. Чем же все это может закончиться?

Кейнсианский поворот

Однако посмотрим сперва, как всё начиналось. Теперь часто с раздражением упоминают Алана Гринспена, который за долгие годы на посту руководителя Федеральной резервной системы (американский ЦБ) упорно опускал учетную ставку, наводнив финан-

совые рынки «дешевыми» деньгами. Другой виновник – инвестиционные банки, манипулировавшие долговыми обязательствами и другими финансовыми продуктами, не зная их реальной стоимости или даже скрывая от публики их отрицательную стоимость. Третий виновник – кредиторы и должники, вместе взятые: одни безответственно давали деньги в долг, другие столь же безответственно их брали.

Но сама стратегия поддержания экономического роста с помощью долга появилась задолго до того. Начало ей положили Джон Мейнард Кейнс и Госплан. И тот и другой исходили из лучших побуждений – прекратить циклические кризисы, дестабилизировавшие общество.

Циклические кризисы капитализма, апофеозом которых стала Великая депрессия, изначально интерпретировались как «кризисы перепроизводства», когда платежеспособный спрос отставал от потенциального предложения (*output gap*). Было предложено два способа избавления от этой диспропорции: (1) макроэкономическая политика по рецептам Кейнса, (2) интегральное (тотальное) планирование.

Кейнс предложил устранить противоречие между спросом и предложением, авансируя совокупный спрос через бюджет. Этот метод известен как «экономика спроса» (*demand side economy*) и как дефицитное (инфляционное) финансирование, так как среди его инструментов наличествуют сознательно допускаемая инфляция и государственный долг. Рассказывают, что самым доходчивым образом Кейнс объяснил суть своего метода в разговоре с президентом Франклином Делано Рузвельтом. Президент лихорадочно искал выход из Великой депрессии. Предприниматели не инвестируют, жаловался он Кейнсу. Пусть инвестирует государство, посоветовал Кейнс. Далее разговор шел так. Рузвельт: у государства нет

денег. Кейнс: возьмите в долг. Рузвельт: мне никто в долг не даст. Кейнс: возьмите в долг у самого себя.

Госплановская экономика как будто бы действовала прямо противоположным образом, жестко регламентируя конечное потребление на уровне, достаточном (если достаточном) для простого воспроизводства рабочей силы. Но это сверхнакопление авансировало производственный спрос. Если так понимать субсидирование убыточных производств, то и госплановская экономика — неведомо для себя — оказывается *криптокейнсианской* экономикой спроса и уж во всяком случае применяла технику, поразительно похожую на дефицитное финансирование. В советском государственном бюджете, как пишет Игорь Бирман, была «большая дыра». Объясняя, как она закрывалась, он приводит в качестве иллюстрации (со слов коллеги в 1989 году) следующий эпизод: «Начальству доложили про дефицит бюджета. “Что это значит?” — “Видите ли, поступлений меньше, чем расходов”. — “Это что, денег не хватает?” — “Да”. — “Так в банке возьмите”»⁴. Сходство этого диалога с диалогом Кейнса и Рузвельта просто ошеломительное.

Эконом-либералы не зря видели в кейнсианской технике троянского коня социализма. При социализме национализация предшествовала жизни в долг, а при капитализме наоборот.

Такая стратегия «развития в долг» (стимулируемая подготовкой к войне и самой войной, о чем злорадно напоминают антикейнсианцы и антисоциалисты) сильно смягчила циклические кризисы, помогла сохранять высокие темпы экономического роста и обеспечила беспрецедентное в истории процветание широких масс в Европе и Северной Америке, равно как и подъем благосостояния, по меньшей мере, классического фабрично-заводского рабочего класса в СССР.

Но к середине 1970-х годов (не без воздействия нефтяного шока, на что не устают указывать твердые кейнсианцы) инфляционно-дефицитное финансирование на Западе перестало стимулировать экономику и поддерживать занятость, а ведь в этом и был его *raison d'être*. Субсидировать же убыточные производства на Востоке становилось все затруднительнее, поскольку отставание частного конечного потребления начало угрожать естественному воспроизводству рабочей силы (в антропометрических показателях)⁵ и тормозить НТР. Открытая (на Западе) и скрытая (на Востоке⁶) инфляция, вместо того чтобы быть двигателем роста и полной занятости, обернулась фактором застоя.

Обратный поворот на 180 градусов

Комбинация застоя (стагнации) и инфляции была названа «стагфляцией», и главным методом выхода из этого состояния на Западе объявили борьбу с инфляцией и ликвидацию государственного долга, а в так называемом «советском блоке» — борьбу с «нерентабельностью». Для этого рекомендовалась приватизация, без чего технически не удавалось вывести хозяйственных субъектов (фирмы, предприятия) на рынок, где их необходимость для всего народного хозяйства проверялась бы их прибыльностью. Предполагалось, что государство, берущее в долг у самого себя, создает искусственный спрос и не в состоянии вовремя остановить долговую экспансию; банкротство откладывается, но его отсрочка становится все более рискованной, а неминуемое банкротство все более тяжелым. Предполагалось также, что в рыночном режиме спрос будет, наоборот, «естественным», а кредит ограничен критериями его экономической эффективности. Неолибералы считали, что кредитование инвесторов и потребителей на рынке в рамках частного сектора, в отличие от бюджет-

ного кредитования, не может выйти за границы обеспеченности реальным богатством, поскольку фирма не суверенное народное хозяйство и ее существование в режиме хронических убытков, дескать, невозможно и немислимо.

Из этого, казалось бы, неизбежно следовало, что государство должно пресечь кейнсианскую долговую практику и оставить кредитную сферу в руках частного сектора. Что и было сделано.

Но тут произошло самое интересное и как будто бы непредусмотренное: сокращение (сдерживание) дальнейшего роста государственного долга не привело к сокращению задолженности общества⁷. По ходу приватизации *был приватизирован и бюджетный дефицит: общественный долг только переместился из государственного бюджета на балансы корпораций, предприятий и домохозяйств.*

Государство, авансируя совокупный спрос, печатает деньги. Частные хозяйственные агенты этого делать не могут из-за валютной монополии государства. Но они могут подписывать долговые обязательства, а финансовые корпорации могут давать рискованные кредиты, которые потом циркулируют на финансовых рынках. Если государство, как и советовал Кейнс Рузвельту, берет деньги в долг у самого себя, то корпорации — друг у друга по кругу. Кругооборот этих взаимных долгов достиг неслыханных масштабов уже в 1990-е годы.

В ходе приватизации в СССР замаскированная задолженность экономики самой себе вышла на поверхность, когда финансовый рынок был наводнен долговыми расписками давно уже несостоятельных предприятий, вынужденных теперь как-то продлевать свое существование. На Западе (прежде всего в США и Великобритании) задолженность, вытесненная из бюджета, аккумулировалась в сфере конечного потребления (рынок недвижимости в особен-

ности) и была конвертирована в деривативы — к началу нынешнего кризиса на рынке ценных бумаг их было на сумму 360 трлн долларов.

Полный разворот на 360 градусов

Долг, изгнанный в дверь, возвратился через окно. Опыт посткейнсианской неолиберальной стратегии с невероятной убедительностью свидетельствует, что рынок не способен лучше, чем государство, контролировать долг, поддерживая его на разумном уровне.

Интересно, что почти никто не обратил на это внимания и уж точно не придал этому значения. Исключение составил разве что один из немногих оставшихся к тому времени твердых кейнсианцев Майкл Стюарт, писавший уже в 1993-м: «Почти нерегулируемые рыночные силы раздули кредит выше всякой разумной меры»⁸. В двух абзацах его небольшой книги содержится совершенно точное описание того, что мы наблюдали в 2007–2009 годах, начиная с кризиса на американском рынке недвижимости. На рубеже 1990-х происходило абсолютно то же самое, и Стюарт это зафиксировал. У него были бы сейчас все основания напомнить о своей проницательности тем, кто теперь, задним числом, указывает на сходство ряда кризисов недавнего прошлого с нынешним (как, например, Пол Кругман⁹) или перечисляет тех, кто предсказывал последний кредитный крах, как, например, Мартин Вольф (см. подверстку на с. 102).

Можно даже подозревать, что частные финансовые корпорации (банки) хуже, чем государство, справляются с контролем над кредитами. Они склонны делать вид, что взаимные долги, циркулирующие на рынке ценных бумаг и попадающие на счета спекулянтов, представляют собой богатство. От этой иллюзии уже давно предостерегал нобелевский лауреат (хотя и не по экономике, а по химии) Фредерик Содди. Измерение

блага в денежных единицах, говорил он, *скрывает разницу между долгом и богатством*. Эту мысль он аргументирует и варьирует на разные лады в нескольких книгах, опубликованных между 1922 и 1943 годами. Вот один из характерных пассажей: «Владелец долга — это тот, кому должны. Он покупает долговое обязательство так же, как покупает материальные ценности (*wealth*), ожидая, что подобные операции, как и всякий бизнес, принесут ему прибыль. Выдать кредит или получить в пользование уже выданный значит оказаться в долгу. Ибо кредитор — это владелец долга»¹⁰. Иными словами, давая деньги в долг и покупая векселя, мы думаем, что богатеем, а на самом деле беднеем. (То же самое, в сущности, говорит теперь видный английский консультант и комментатор Роджер Бутл — см. подверстку на с. 102). В государственном бюджете этой иллюзии нет, потому

что там долг, по крайней мере, фигурирует со знаком «минус», а не со знаком «плюс», как в «творческой бухгалтерии», изобретенной на рубеже XX—XXI веков и получившей широкую известность после скандального банкротства корпорации «Энрон» и нескольких других.

Таким образом, кредитная экспансия в частном секторе оказалась *не альтернативой дефицитному финансированию, а просто его другой, иначе институционализированной формой*¹¹.

Наиболее последовательные эконом-либералы говорят, что рынок сделал бы свое дело и оздоровился бы сам, если бы не вмешалось государство, выкупившее фактически разорившиеся банки, и если бы принцип *laissez-faire* соблюдался более последовательно¹². Имелся, дескать, очевидный выход из ситуации: принять решение рынка и допу-

Они давно предрекали катастрофу

Высказывание Мартина Вольфа заслуживает того, чтобы привести его полностью: «Авинаш Персауд давно и неоднократно указывал, что модели управления рисками, на которые регуляторы бездумно полагаются, абсурдны в индивидуальном плане и смертельно опасны в коллективном, с чем соглашался также Джон Итуэлл; Кеннет Рогофф предупреждал об угрозе американского внешнего дефицита; Уинн Годли говорил об опасностях внутреннего финансового дисбаланса как следствия этого внешнего дефицита; Чарлз Дьюмас и Брайен Ридинг (*Lombard Street Research*) били тревогу насчет возникновения мирового финансового дисбаланса; Роджер Бутл (*Capital Economics*) упирал на то, что было бы

чистой фантазией верить, будто мы становимся богаче, перепродавая друг другу дома по все более вздутым ценам [sic: это, в сущности, то же самое, о чем говорил Фредерик Содди, смотри в тексте статьи выше. — А.К.]; Рагурам Раджан (*Chicago Business School*) указывал на слабые места нового финансового капитализма; Бернард Конноли (*AIG*) предупреждал, что идет строительство финансовой пирамиды (*“Ponzi game”*¹³), а Джордж Магнус (*UBS*) уведомлял, что приближается “момент Минского” (*“Minsky moment”*¹⁴); Стивен Кинг (*HSBC*) утверждал, что экономический рост в США построен на песке; Эндрю Смитерс (*Smithers and Co*) и Мартин Уил (*National Institute*) напоминали, что британская фискальная политика слишком

расслаблена; Билл Уайт (*Bank for International Settlements*) настаивал на том, что денежная политика не должна игнорировать цены активов (*asset prices*) и связанные с ними всплески кредитов; ну и, конечно, Нуриэль Рубини предрекал катастрофу раньше всех». Мартин Вольф упоминает только крупных специалистов, работающих в корпорациях, и сожалеет, что все они указывали на те аспекты кризиса, которые находились в их узкой компетенции, и не нашлось никого, кто сложил бы их предостережения в единое целое¹⁵. Но Майклу Стюарту за 15 лет до того удалось в одной фразе выразить суть кризиса 2007—2009 годов просто потому, что он не был в плену предрассудков монетаристского мейнстрима 1980—2000-х.

стить ликвидацию всех тех фирм, которые оказались несостоятельными должниками. Вашингтон как будто бы и начал с этого, не оказав помощи *Lehman Brothers* и *AIG*. Но тут же одумался, поскольку начинавшийся обвал фондового рынка грозил разорением большой массы рядовых сберегателей и техническим параличом мировой финансовой системы. Поэтому государство не могло придумать ничего лучшего, как выступить в роли последнего гаранта и взять обратно в казну накопившийся в частном секторе долг (вплоть до фактической национализации опорных банков). Это означало возвращение к технике бюджетного дефицита¹⁶. Что было бы на этот раз, не возьми правительство финансовую систему на поруки (*bailing-out*), к сожалению, никто никогда теперь не узнает¹⁷. Реальный же урок долговой экспансии в условиях нелиберального курирования экономики состоит в том, что частные фирмы (банки) обнаружили и склонность, и способность обмануть и изнасиловать рынок и (или) обманывать самих себя. А это гораздо важнее, чем теоретическая способность рынка браковать убыточные инициативы.

Круг, таким образом, замкнулся. Общественный долг выглядит неустрашимым. И теперь пришло время вернуться к вопросу, который мы задали вначале: чем всё это может кончиться? Неустрашимость долга может означать, что (1) цивилизации действительно грозят банкротство и упадок; или (2) техника дефицитного финансирования как раз и является способом избежать краха цивилизации; или (3) предстоят поиски иных путей бездолговой хозяйственной практики, коль скоро приватизация и дерегулирование финансовой сферы к этому не привели.

Рассмотрим названные версии по порядку, а затем попытаемся представить себе, какие важные повороты в культурогенезе и социогенезе должны будут произойти в каждом случае, или иначе: какой вызов бросает цивили-

зации неустрашимость долга и какие на этот вызов могут последовать ответы.

Что дальше? Версия первая: упадок цивилизации

Если верна нынешняя магистральная точка зрения, восходящая к представлениям классической политэкономии (Адам Смит – Давид Рикардо) о гибельности долга, то хронический и растущий общественный долг – это бомба замедленного действия, и если от общественного долга так и не удастся избавиться, то в конце концов задолженность общества приведет к его разорению, обеднению-обнищанию, а в более дальней перспективе – и к вымиранию (суженное воспроизводство населения, демографическое сжатие), и этот процесс уже идет, например, в Европе.

На какое-то историческое время резервная периферия, ныне вступившая в фазу долговременного экономического роста (Китай и Юг в целом), будет поддерживать эту цивилизацию на плаву, снабжая Запад демографическим материалом и приняв от него эстафету «капитализма» или «цивилизации прогресса». Но при этом самому Западу совсем не обязательно удастся сохранить привычный для него уровень благосостояния, и уж точно он перестанет доминировать в мировом валовом продукте. Но в любом случае несколько позже (и не так уж много позже) нечто подобное грозит и всему миру, ставшему однажды на путь, проложенный Западом.

Вероятность такого сценария возрастает еще и потому, что долговременный экономический рост не только все больше тормозится и может быть в конце концов сорван самим долгом (как уверяют неоклассики), но и наталкивается на ряд других препятствий – демографических, экологических, наконец, антропологических. Во-первых, ресурсы планеты исчерпаемы. Во-вторых,

способность человека к потреблению благ ограничена. В-третьих, возможности человека оперировать средствами, которые ему предлагает НТР, тоже ограничены¹⁸.

Неустрашимость дефицитного финансирования дает основания думать, что на самом деле с его помощью общество пытается наращивать свое благосостояние за эти естественные пределы. И тогда ему грозит не просто остановка экономического роста (пример — 15 лет стагнации Японии), а то, что Маркс когда-то называл «абсолютным обнищанием» (после того как ресурсы, пригодные для конвертирования в блага, будут исчерпаны). Тем более что экономический рост с использованием фиктивных средств создает блага, которые тоже фиктивны, во всяком случае, вполне условны и в любой момент могут перейти в категорию «необязательных» и даже просто «мусора». Действие долга в этом случае уподобляется действию наркотика. Его используют для энергетической подпитки общества, что в конце концов приводит к прямо противоположному результату.

Когда именно искусственная реанимация общества приведет к началу его необратимого движения вниз («*perma-slump*»), мы заранее не знаем, но, быть может, это уже началось. Как глубоко и как быстро может упасть даже индустриальное и накопившее значительные богатства общество, наглядно показали Россия в начале 1990-х и Аргентина в конце того же десятилетия.

Пессимистическое представление о долге как о симптоме гибели и гробовщике цивилизации сегодня доминирует¹⁹, но, конечно, намного важнее и интереснее обсуждать возможные пути к спасению. Их больше одного.

Что дальше? Версия вторая: спасение с помощью долга

Кейнс считал, что табу на необеспеченный активами кредит оправданно применительно

к фирме и домохозяйству, то есть на микроэкономическом уровне, но не обязательно для большой системы масштаба национальной экономики, то есть на уровне макроэкономическом. И он предлагал не беспокоиться об общественном долге, поскольку долговременная перспектива есть некоторым образом фикция. Как говаривал сам Кейнс, в «долгосрочной перспективе мы все умрем», что, выражаясь обывательски, означает: «там видно будет» или «будет день — будет и пища».

Эта философия имеет очень глубокие корни и совпадает с одним из важнейших положений протестантской этики, предлагающей индивиду всегда заниматься только «злостью дня», потому что дальнейшее будущее все равно в руках провидения. Из этого интуитивного (иррационального, в сущности религиозного) убеждения, если перевести его в экономические термины, следует: краткосрочная экономическая политика — это единственный способ поддержать долгосрочное развитие.

В дальнейшем — под влиянием неудач кейнсианской практики макроэкономического регулирования и по ходу интеллектуальной реанимации классических представлений о злостности долга — бодрый агностицизм Кейнса был подвергнут сомнению, и даже некейнсианцы признали, что дело обстоит не так просто и что, как бы ни была эффективна первоначальная кейнсианская антициклическая техника, долгосрочному развитию она не помогает, а, скорее всего, даже его подрывает.

Теперь, однако, возможна иная постановка вопроса. Для защиты долга как двигателя экономического роста не обязательно возвращаться к агностицизму Кейнса. Прежде всего, потому, что возможны разные варианты дефицитного финансирования. Это обнаруживается уже при сопоставлении классической кейнсианской и госплановской

практики. (Речь идет не о сопоставлении их эффективности — надеюсь это понятно.) Ну а последние 20–25 лет показали, что и частный сектор вполне может практиковать технику дефицитного финансирования и как будто бы даже предрасположен к этому больше, чем государство. Кстати, может быть, именно он, а не государство, начал эту практику, когда банки, как писал все тот же Содди, «коррупцировали деньги, превратив их из средства обмена в измеритель долга, приносящего доход (*interest bearing debt*)»²⁰. Во всех этих случаях долговая стратегия

middle) и восходящих вверх средних слоев, а в глобальном контексте — богатых наций.

Пусть рынок не избавляет нас от дефицитного финансирования, как надеялись критики классического кейнсианства, но вдруг он лучше, чем государство, позволяет использовать для роста само дефицитное финансирование? Как писал совсем недавно глава Института Адама Смита Мадсен Пири, «правительства, кажется, нащупали новый способ, который как будто должен дать те же результаты, что и способ Кейнса, но в отличие от того, что предлагал Кейнс, ставка

“Как бы ни была эффективна первоначальная кейнсианская антициклическая техника, долгосрочному развитию она не помогает, а, скорее всего, даже его подрывает”.

развития была структурно и содержательно разная, и разные ее агенты выполняли при этом разные роли, теряя или приобретая. Наконец, возможны весьма разнообразные программы адресно-специализированного использования кредита, так же как и любых инвестиций какого угодно происхождения.

Госплановский долг расходовался на нужды производства и (все меньше со временем) на фонды коллективного потребления. Кейнсианская техника в обществах социал-демократического консенсуса разогревала экономику через спрос нижних имущественных слоев — коллективный и, в меньшей мере, индивидуальный. В неолиберальную эпоху, хотя монетаризм в противоположность кейнсианству и считается «экономикой предложения» (что несколько неожиданно сближает его с госплановской экономикой), а не «экономикой спроса», на самом деле его существенным (если не ключевым) компонентом было (помимо авансирования корпоративного спроса на инвестиции) авансирование индивидуального спроса имущественных слоев «выше среднего» (*upper*

делается не на государственные, а на частные расходы, и именно это должно сглаживать циклы. В результате настойчивого применения такого способа в Великобритании и США частное потребление не сжималось во время последних циклических рецессий, а, наоборот, росло, главным образом благодаря частным сбережениям и возрастающему долгу. Посмотрим, сумеет ли эта новая версия кейнсианства избежать опасностей старой версии»²¹.

Совсем недавно («кредитный крах») мы убедились, что так не получилось, но содержательное сопоставление сравнительной инструментальности централизованной (бюджетной) и децентрализованной (частной) кредитной экспансии еще далеко не исчерпано²². После неудачного опыта последних 25 лет теперь на передний план выходит проблема регулирования финансовых рынков, и мы еще не знаем, насколько эффективен может быть частный опережающий кредит, если он поставлен в определенные рамки.

Кроме того, каковы бы ни были инструментальность и опасность каждой из инсти-

туциональных версий дефицитного финансирования, обществу не обязательно делать выбор между ними раз и навсегда. Ведь возможно их чередование. Если наша цель поддержание экономического роста, то его можно снова и снова стимулировать дефицитным финансированием, то есть авансированием спроса, но каждый раз спроса разных контингентов потребителей и, стало быть, *содержательно* разного спроса.

При этом можно по-разному комбинировать коллективное (через бюджетные

ную базу существования, перемещают эту проблематику во всё новые сферы жизнедеятельности. Конвертирование государственного долга в частный и обратно, а также всё новые и новые концептуализации сферы коллективного потребления могут теперь оказаться обширной сферой политического маневрирования в рамках долговой стратегии и подтвердить ее инструментальность как стратегии долгосрочного развития.

Таким образом, можно думать, что оптимальное использование долга в целях

“Госплановская система вовсе не была бездолговой: она самым убедительным образом продемонстрировала, как взрывается бомба накопленного дефицита”.

расходы) и личное потребление — количественно (объем тех и других фондов) и содержательно (сами потребности). Если вам нечем занять людей, стройте египетские пирамиды, говорил Кейнс. Добавлю: соборы, стадионы, музеи, заповедники и все, что угодно, лишь бы это, помимо обеспечения занятости, обладало конвенциональной общественной полезностью. А конвенция не только может меняться — она неизбежно меняется. При этом меняются не только концепции блага, но и представления о том, какие блага неделимы и могут потребляться только коллективно, а какие делимы и могут потребляться индивидуально.

Конвенции на этот счет в середине XX века казались самоочевидными и вечными, но те времена прошли. Дискуссии вокруг институционализации здравоохранения и образования, интеллектуального продукта и информации, природопользования, потребления энергии, транспортно-коммуникативной сети и прочее и прочее указывают на то, что пришло время пересмотра этих конвенций. Непрерывные технологические инновации, изменяющие ресурс-

долгосрочного развития все же существует. И в этом случае задача лишь в том, чтобы отыскать этот оптимум и найти ему институциональное обеспечение, а также научиться своевременно конвертировать государственный долг в частный и обратно²³. Такой ход мысли отличается и от ортодоксальной неоклассики, и от ортодоксального кейнсианства. Неоклассика, допуская, что дефицитное финансирование решает краткосрочные проблемы, усматривает в нем подрыв долгосрочного развития. Кейнсианство считает, что оно, решая краткосрочные проблемы, не мешает долгосрочному развитию. Изложенное только что представление предлагает считать дефицитное финансирование магистральным методом именно долгосрочного развития, коль скоро оно постоянно возобновляется в разных версиях. Более того: если главный мотор экономического развития это инновации, причем не только технические, но и культурно-социальные, то без опережающего долгового (инфляционного) «пузыря» такое развитие попросту невозможно, потому что дефицитное финансирование обеспечивает именно эксперименталь-

ную и рискованную часть общественно-индивидуальной жизни.

Так или иначе, пессимистический взгляд на дефицитное финансирование, господствующий теперь, нельзя считать неуязвимым. Но мы не можем ограничиться этим неортодоксальным рассуждением в пользу долговой стратегии долгосрочного развития. Даже если оно не ошибочно само по себе, может оказаться, что поддержание долгосрочной высокой конъюнктуры нежелательно. И от долговой стратегии следует отказаться не потому, что она сдерживает экономический рост, а именно потому, что она его поддерживает, и не к добру. И тогда приоритетное внимание должно быть обращено на бездолговую стратегию хозяйственной деятельности. Согласимся теперь с доминирующей стратегией и будем исходить из того, что отказ от дефицитного финансирования безусловно необходим, и тогда вопрос заключается в том, как это сделать.

Что дальше? Версия третья: бездолговая стратегия спасения

Предлагавшиеся до сих пор методы оказались «ложно бездолговыми». Долгосрочное директивное планирование, задуманное параллельно кейнсианству как способ избежать циклических кризисов, одновременно претендовало именно на бездолговой характер. Но госплановская стратегия, даже если бы она в самом деле была бездолговой, обнаружила пороки, перевесившие это ее предполагаемое достоинство. Плановое бездолговое развитие способно обеспечить только достижение заранее известных целей и не в состоянии абсорбировать инновации. Это показал советский опыт. К тому же в советском опыте была заложена полная ликвидация свободы потребительского выбора, что оказалось, помимо всего прочего, тяжелым психологическим бременем для индивида, ориентированного на саморазвитие, которое

ему было не просто обещано, а рекомендовано — как оказалось, лицемерно и всуе. Сверх того, риски в госплановской системе оказались даже выше, чем в системе, развивающейся методом проб и ошибок. Советская экономика стала жертвой нескольких неправильных стратегических решений, которые были возможны и в рыночной экономике, но централизованная плановая система не была приспособлена к корректировкам и исправлению ошибок.

И все же самое поучительное то, что госплановская система вовсе не была бездолговой! Именно она самым убедительным образом продемонстрировала, как взрывается бомба накопленного дефицита. С учетом советского опыта кажется вполне очевидным, что тотальное планирование может обойтись без долга и быть инструментальным только в условиях острого дефицита материальных ресурсов и жестко нормированного потребления.

Неолиберальная модель, предложенная как альтернатива планированию и кейнсианскому дефицитному финансированию, как мы видели, тоже оказалась долговой. Долговой кризис 2007–2009 годов мог бы вызвать спад, сопоставимый по масштабам с Великой депрессией и с крахом советской экономики на рубеже 1990-х, если бы он не был остановлен (отложен) старым кейнсианским способом. Но если так, то мыслима, кажется, только одна возможность: нужно не искать режим расширенного воспроизводства, создающий (якобы создающий) возможность избежать долга, а запретить дефицитное финансирование. Реализация такого запрета возможна в двух вариантах.

Первый вариант предполагает невмешательство в режим экономического роста, который назовем «естественным». В этом режиме циклические кризисы рассматриваются не как патология, а как норма и не сглаживаются искусственно; они должны

преодолеваются имманентно, по логике самокорректирования. На этом настаивали всегда, в том числе и в 2008–2009 годах, твердые неоклассики всех оттенков.

Второй вариант не табуирует кейнсианский долг, а лишь предполагает его обязательное возвращение в положительной фазе цикла, так чтобы платежный баланс общества поддерживался в пределах некоторой «среднесрочной» перспективы в диапазоне между дефицитом и профицитом. Поскольку представления о «среднесрочности» весьма неопределенны, этот вариант на практике может оказаться не более чем технически скорректированным кейнсианством.

Цивилизация: вызов и ответ

И упадок, и обе стратегии спасения бросают западной цивилизации вызов. Ей придется к ним адаптироваться. Типологический статус того, что появится в ходе этой адаптации, трудно — да и не стоит — фиксировать заранее. О масштабах и системной значимости предстоящих перемен лучше судить задним числом. Кроме того, с некоторых пор общество меняется непрерывно и говорить о смене каких-то одних целостно-законченных формаций другими вообще уже не приходится. Кроме того, давно признано, что эволюция разных сфер существования может оставаться долгое время сравнительно автономной. Поэтому благоразумнее рассматривать партикулярные процессы социальных и культурных изменений по отдельности. Так мы и поступим теперь, ограничившись буквально парой эскизов исключительно для иллюстрации нашего основного тезиса, который сводится тому, что, решая проблему долга, общество и индивид должны будут менять свои ценности и институты — прежде всего формы совместности-общности-коллективности, или солидарности-лояльности.

В случае упадка перемены будут похожи на то, что всегда обещали миллениаристские пророчества и что теперь так любят изображать сочинители «посткатастрофных» черных утопий, особенно в кино: хаос, криминализация, круговой террор и рэкет, разрушенные деградирующие города, всеобщее одичание, одним словом, «природное состояние» Гоббса. Обсуждать ценности и организационные структуры популяций, живущих в подобных условиях, вряд ли нужно: они хорошо исторически документированы или наблюдаемы. Такое уже неоднократно бывало в истории — достаточно вспомнить об упадке Римской империи. Весь Юг и сейчас пребывает в похожем состоянии. А вот что произойдет в ходе попыток *продлить жизнь нашей цивилизации*, видится пока весьма смутно и поэтому требует определенного воображения.

Вызов и ответ: система ценностей

Несколько десятилетий процветания с короткими рецессиями, которые сравнительно легко и заранее известным методом (со времен Кейнса) удавалось пресекать, приучили индивида к соответствующим жизненным шансам и породили у него социальные ожидания, которые теперь должны существенно измениться. В частности, должны будут измениться установки в отношении *обогащения* и *равенства*.

Если общество живет в условиях неуклонного бескризисного роста, манипулируя для этого кредитной экспансией, то разные контингенты индивидов (агентуры) на разных отрезках этого непрерывно-длительного процесса будут получать больше или меньше. Кредитная экспансия станет постоянно производить новые материальные и нематериальные (символические) блага, а разные группы будут получать их в свое распоряжение в порядке очереди. Главная проблема здесь — это готовность общества к подобной очередности и особому характеру неравенства, который эта очередность порождает.

Неравенство в богатом обществе с высокой вертикальной мобильностью имеет мало общего с неравенством в домодерном (традиционном) бедном обществе с его низкой вертикальной мобильностью, на которое до сих пор рефлексировала наша культура. Рефлексия на новое, «переменное» неравенство только-только начинается, да и то главным образом в Америке²⁴.

Но если общество соглашается жить в диаметрально противоположных условиях, то есть в условиях нулевого роста, то оно должно будет адаптироваться к такому режиму рас-

будет приспособление к прерывистой траектории нарастания — падения индивидуально и группового благополучия по ходу циклов и периодически возобновляемой выплаты долга. Эта стратегия требует от общества и индивида изрядной дозы «фатализма» и готовности начать свою биографию сначала.

Считается, что в таком духе были воспитаны первые поколения американцев, но этот дух даже в американском обществе теперь скорее угас, чем сохранился. Наблюдаются инициативы перевоспитания индивида в подобном духе. В самом вульгарном виде эту

“Неравенство в богатом обществе с высокой вертикальной мобильностью имеет мало общего с неравенством в бедном домодерном обществе”.

предела богатства, который не нуждался бы в пересмотре, так как в этом случае любой пересмотр почти неизбежно оказывается грабежом-экспроприацией (как в ранней коммунистической России). Вероятно, такому обществу будет более свойственна имманентная тенденция к равенству, хотя концептуализация равенства может быть разной.

В принципе то же самое можно ожидать и от общества, оказавшегося в режиме нулевого роста не по доброй воле, а вынужденно, однако в этом случае тенденция к самому что ни есть неравному распределению ресурсов будет намного сильнее, чем в первом случае. Хотя и тогда основная масса людей будет жить в условиях принудительного равенства (как в Древнем Египте, к примеру).

Индивид в обществах с очень сглаженными, близкими к нулю темпами роста благосостояния должен быть воспитан скорее в консервативном духе сакрализации традиции и «смирения», нежели в духе ожидания иного, «улучшенного» будущего.

Случай бездолгового развития интереснее и проблематичнее. Главной проблемой тут

жизненную установку преподносит один из идеологов французского американизированного предпринимательского класса Лоранс Паризо: радикальная индивидуализация и десоциализация человека требуют от него самостоятельной «политики жизни»; если жизнь, здоровье, любовь не надежны, почему же рабочее место должно быть гарантировано? — природа этого не предусмотрела, и с этим надо считаться²⁵.

Но перевоспитать индивида в таком духе очень нелегко. Хотя здравый смысл (опытное знание) и наука прекрасно знают, что плавных процессов в природе не бывает, аргументы в пользу цикличности почти немислимы, и если произносятся с кафедры или политической трибуны, то только на периферии и теми, кто смиренно соглашается выступать в роли записных еретиков. В чем же тут дело?

Нормативная экономическая теория так долго и вся без остатка была ориентирована на поиски методов предотвращения циклических кризисов, что ей теперь трудно преодолеть инерцию изолированного дискурса

и карьерной практики так называемой «нормальной науки» (в терминах Томаса Куна). Политической мысли, обходящейся гораздо более примитивным дискурсом, интеллектуально было бы это сделать намного проще, но политический класс не может себе такого позволить, потому что отказ от борьбы с текущей рецессией самоубийствен для партии у власти — она ее рискует тут же потерять.

Соответствующую систему ценностей пыталась вынести на политическую арену склонная к активной дидактике Маргарет Тэтчер, но именно это больше, чем что-либо другое, способствовало падению популярности «железной леди». Заметный электорат, позитивно откликающийся на такого рода идеологию, есть только в США, но и там его поддержка не безусловно выгодна республиканской партии, за которую он традиционно голосует. Это настроение возобладало в России в последние годы коммунистического режима, но как только индивид и общество попали в соответствующие условия, оно сменилось на прямо противоположное.

Таким образом, оправдание циклов даже не может попасть в центр общественных дебатов, а если все же это случится, то потребуются значительная перегруппировка политических сил в обществе, а может быть, полная и радикальная реконструкция всей политической жизни.

Вызов и ответ: организационная структура

Теперь посмотрим, что означает проблематизация экономической политики для территориального государства-нации (национал-государства) как формы социальной (коллективности-солидарности) и как агентуры международных отношений (мирового порядка). В обеих этих ролях государство оказывается под вопросом как вид в конкуренции с другими видами коллективности. А также становится проблематичным

дальнейшее существование каждого ныне имеющегося государства по отдельности в условиях внутривидовой конкуренции.

К долговой технике поддержания экономической конъюнктуры государство как вид вполне приспособлено. Ему и был предназначен первоначальный рецепт Кейнса, который оно норовит использовать чуть что. Но прерогатива экономической политики, в особенности макроэкономического регулирования, уподобляет государство хозяйствующему субъекту с частноправовым статусом, а это значит, что государство, не справляющееся с обслуживанием долга и неспособное получить кредит, должно так или иначе ликвидироваться: быть поглощено, расчленено, поставлено под внешнее управление. Это означало бы постоянную переключку глобальной ячеистой геополитической структуры. Нынешний мировой порядок такой возможности не предусматривает. Но поскольку признанные государства теряют свою бюджетную независимость, это значит только, что так называемая «политическая карта мира» не отражает реального положения дел. Всякая общность со своим флагом и гимном, национальной футбольной сборной, даже с армией и флотом или, наконец, со своим МВД может считать себя государством, но очевидно, что его суверенитет будет сильно усечен и специализирован. У евроскептиков есть основания жаловаться (бурные дебаты о «дефиците демократии» в ЕС в начале нынешнего столетия), что Евросоюз превращается в единое государство, коль скоро диктует входящим в него странам основные параметры макроэкономической политики, в первую очередь размер бюджетного дефицита.

Таким образом, долговая стратегия чревата серьезными и непрерывными переменами в составе реальных участников глобальной системы (мирового порядка). В принципе эта конкуренция между государствами как

агентами экономической политики ведет к тому же, к чему и конкуренция между фирмами на рынке, а именно к появлению все более крупных агентов экономической политики. Вплоть до полной концентрации эконом-политической прерогативы в руках одного агента в статусе всеобщего кредитора или, наоборот, всеобщего должника, что, как это ни парадоксально, в сущности, одно и то же — как в терминологии Кейнса, так и в терминологии Содди, так и — самое интересное — в понимании менеджмента любой

управленческой экспертизой пока как будто демонстрируют некоторую способность к поддержанию такого подвижного баланса (управляемого дисбаланса). Но, вообще говоря, манипулирование кредитной экспансией бросает вызов именно демократии и требует либо отказа от нее, либо ее радикального обновления. И то и другое не останется без последствий для оптимальных параметров государства, но каков будет этот оптимум, сказать пока трудно, если вообще возможно вычислить это наперед.

“Признанные государства теряют свою бюджетную независимость, а это значит, что «политическая карта мира» не отражает реального положения дел”.

крупной финансовой корпорации. Именно на этом пути, может быть, и возникает «всемирное государство».

Режим изолированного манипулирования дефицитным финансированием тем более под силу не каждому государству. В сущности ведь, он сводится к тому, что разные сегменты общества дают друг другу в долг, а правительство посредничает в этом процессе как главный агент общественного порядка. Такая стратегия должна не допускать чреватого социальными конфликтами имущественного неравенства — теперь уже не столько между работодателями и рантье, с одной стороны, и наемными работниками — с другой, сколько между разными сегментами общества: между общественным и частным сектором, малым и корпоративным бизнесом, материальным производством и финансовой индустрией, молодежью и пенсионерами, гражданами и негражданами, мужчинами и женщинами, владельцами и пользователями недвижимости, и т. д.

Богатые государства с эффективной демократической процедурой, сменяемым правительством и с квалифицированной

Еще большую опасность для государственных общностей представляет бездолговой режим экономической динамики. Опасностей на самом деле даже две — внутренняя и внешняя. Изнутри бездолговому режиму препятствует все гражданское общество, поскольку широкие массы хотят и снижения налогов, и повышения государственных расходов на велфэр²⁶. Опасность же, исходящая извне, состоит в том, что государство, выбравшее бездолговой режим, сильно усложняет свои конкурентные позиции на мировом рынке, коль скоро либо подвергает себя опасностям рецессии и спада, тогда как другие идут на антикризисные меры, либо приносит в жертву темпы роста благосостояния своего населения.

В силу всего этого установить бездолговой режим больше шансов имеют общности, способные согласиться по поводу того или иного модуса распределения богатства, или чередования «тучных» и «тощих» лет, или весьма скромного уровня благосостояния, или консервации образа жизни на «вчерашнем уровне», или даже способные доктринально установить режим нулевого роста — просто

из принципа. Но такая коллективная жизненная стратегия адекватна не государственным, а идеологическим общностям, основанным на добровольном участии и единой системе ценностей, — прежде всего сектам и родственным союзам, то есть племенам. Таким образом, с этой стороны в условиях неравномерного роста государственная общность, как вид, вытесняется конкурирующими видами. Хотя возможность появления государств-сект и государств-племен не исключена. По первому впечатлению, однако, такие государственные (территориальные) общности могут быть только «маломерными», а это ставит под угрозу все крупные современные государства.

В том, что касается мирового порядка, проблематична не готовность государственной общности согласиться выбрать и сохранять тот или иной режим самовоспроизводства, а наличие глобальной геополитической структуры, способной поддерживать какой бы то ни было режим в масштабах всего мира. Если мировая экономика организована как рынок, то это значит, что все агенты, действующие на рынке, находятся в режиме конкуренции друг с другом, и нужна внешняя агентура для регулирования такого рынка, как бы широка или, наоборот, узка ни была компетенция регулятора, — регулятором не может быть один из участников конкуренции. В пределах национальной экономики эту роль берет на себя государство как законодатель и правоохранитель. Но по отношению к глобальной экономике такого института нет. И попытки заменить его межгосударственными договорными клубами не достигнут успеха, поскольку соглашения заключаются между агентами, которые сами конкурируют друг с другом. Затянувшиеся переговоры о всемирной свободной торговле (раунд Доха) и климатической политике (протокол Киото) или попытка в связи с последним кризисом учредить глобальное регулирование финансовых

потоков (саммит G20 в Питсбурге в сентябре 2009 года) ярко иллюстрируют невозможность сделать это при существующей структуре мирового порядка.

Глобализация экономики привела к тому, что действуют две параллельные системы конкурирующих агентур — государств и ТНК. И становится все менее ясно, кто кого в конце концов будет регулировать. Кажется, сейчас мы близки к ситуации, когда не государства решают, как будут конкурировать друг с другом ТНК, а, наоборот, финансовый капитал диктует условия конкуренции между государствами²⁷. Многим такое положение вещей кажется совершенно неприемлемым. Но приемлемо оно или нет (что на самом деле не очевидно), противостоять этому может только концерт суверенных государств более или менее одинакового геополитического потенциала, способных на консенсус. Это может быть небольшое число крупных или, напротив, большое число «маломерных» участников, но не разношерстная толпа государств с очень разным геополитическим весом и качеством бюджетов, не говоря уже о том, что большинство таких государств вообще фиктивны.

Итак, нынешний кризис напоминает нам о том, что наша цивилизация должна дать ответ на брошенный ей исторический вызов. По общему мнению, ей грозят деградация и упадок. Чтобы этого избежать, она должна подвергнуть серьезной ревизии систему своих базовых ценностей и организационных форм. Настолько серьезной, что после этой ревизии окажется: на смену нынешней цивилизации пришла новая. А может быть, больше глубокой правды содержит знаменитая шутка Ганди: западную цивилизацию еще только предстоит создать. Последние 200 лет, возможно, были не более чем подступом к ней. Но в любом случае мы вправе повторять вслед за одним из глашатаев российской перестройки: «Перемен, мы ждем перемен!». ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Одно время они были локализованы пространственно и назывались «капиталистический лагерь» и «социалистический лагерь», или «первый мир» и «второй мир».

² Существует обширная традиция сопоставления капитализма и социализма, в рамках которой подчеркивается либо их идентичность, либо их полная противоположность. Здесь нет места даже для краткого воспроизведения существующих на эту тему представлений, и я лишь уточню, что сочувственно отношусь к теории конвергенции.

³ *Daly H. Beyond Growth*. Boston, 1996.

⁴ *Бурман И. Я* — экономист. М., 2006. С. 367–369.

⁵ *Brainerd E. Reassessing the Standard of Living in the Soviet Union: An Analysis Using Archival and Anthropometric Data*. Center for Economic Policy Research. Discussion Paper No 5525 (2006). Эта маленькая брошюра состоит из графиков с пояснениями. Выводы автора воспроизводятся в: *Гурьев С., Цывинский О.* В пионерском строю // Ведомости. 13.10.2009. Демографические и антропометрические данные, проанализированные Элизабет Брейнерд, показывают, что вырождение населения в СССР началось на рубеже 1970-х годов.

⁶ Отсутствие инфляции в Советском Союзе было предметом особой гордости Москвы, и ей удалось убедить в этом западных экспертов. Но Игорь Бирман в конце 1980-х годов в ряде выступлений (в частности, на русской службе Би-би-си) боролся с этим мифом, и был прав.

⁷ По-английски понятие *public debt* означает именно государственный долг, что во избежание недоразумений следует помнить русским читателям англо-американской литературы и тем, кто будет читать этот очерк, поскольку здесь важно именно различать «государственный долг» и «общественный долг».

⁸ *Stewart M. Keynes in the 1990s: A Return to Economic Sanity*. L.: Penguin, 1993. P. 57.

⁹ *Krugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008*. Penguin, 2008. См. мою рец. на эту книгу: *Pro et Contra*. Т. 13. № 2 (45). Март–апр. 2009. С. 100–105.

¹⁰ *Soddy Fr. Wealth, Virtual Wealth and Debt*. Allen and Unwin, 1926. P. 76. Фредерик Содди, физик и химик, — ученый того же ранга, что и Альберт Эйнштейн или Эрнест Резерфорд, хотя и не ставший знаковой фигурой массовой культуры. Он был резким критиком самих оснований экономики как

науки и был дезавуирован экономистами. Притом настолько успешно, что даже развивавшие позднее похожие взгляды Кеннет Боулдинг и Николас Джорджеску-Реген (сами экономисты), похоже, не знали о его работах. Интерес к нему начал усиленно привлекать Герман Дейли (см.: *Daly H. Op. cit.*). В 2003-м книга Содди, на которую я здесь ссылаюсь, была переиздана. Его взгляды на экономику не безупречны и грешат физиократизмом, хотя он и не был ни в коем случае наивным физиократом. Его концепция «виртуального богатства» (*virtual wealth*) прекрасно резюмирована в цитированной книге Дейли (с. 180–182) и имеет прямое отношение к обсуждаемой теме. В этом очерке я обошелся без нее и ссылаюсь только на пронизательное наблюдение Содди, что расходы можно выдать за доходы; оно сейчас производит особенно сильное впечатление ввиду «успешной» практики «творческой бухгалтерии» и деривативов.

¹¹ Я уже однажды обсуждал этот сюжет в очерке «Бизнес, мораль, морализм» (см.: *Pro et Contra*. Т. 8. № 3. 2004. С. 97–125). К моему удивлению, никто вроде бы не пытался осмыслить этот, как мне кажется, принципиальный поворот в экономической истории. Я, во всяком случае, не мог найти ничего похожего в круге моего чтения, хотя и искал. Единственное исключение — президент Института Адама Смита (одного из самых радикальных мозговых трестов неолиберального толка) Мадсен Пири (*Pirie M. Core Values // Business*. 2004. Aug. 8). Быть может, специалисты не говорят об этом перенесении долга из госбюджета на балансы частных агентов или упоминают (что тоже бывает крайне редко) о нем лишь мимоходом, полагая это наблюдение тривиальным. Но оно совсем не тривиально, если его поместить в широкий социально-экономический контекст, что я и делаю.

¹² См., напр.: *Rowley Ch. K., Smith N. Economic Contractions in the United States*. The Institute of Economic Affairs and the Locke Institute, 2009. Это меморандум по поводу нынешнего кризиса с позиций так называемой «виргинской школы» экономики, развивающей идеи Джеймса Бьюкенена. А нынешний патриарх чикагской школы нобелевский лауреат Гэри Беккер вообще считает, что масштабы кризиса не были столь уж угрожающими и он был раздут «государственниками», чтобы подавить свободные экономические агентства (см.: *Sunday Telegraph*. 2009. Sept. 6. P. B5).

¹³ *Ponzi game*, или *Ponzi scheme*, — так в Америке называют финансовую пирамиду по имени известного организатора финансовых пирамид в США в 1920-х Чарлза Понци. Такие пирамиды построены на так называемых схемах Понци, когда прибыль инвесторам выплачивается не за счет прибыли компании, а за счет вкладов других инвесторов, вступивших в проект позже.

¹⁴ При разработке теории экономических циклов знаменитый американский экономист, представитель постмонетарного кейнсианства Хаймэн Мински выделил три класса заемщиков: хеджевые заемщики могут легко удовлетворить все требования по долговым выплатам, используя свои денежные потоки; спекулятивные заемщики способны выплачивать текущие проценты, но вынуждены рефинансировать свои кредиты, чтобы выплачивать основную сумму займа; заемщики Понци могут рассчитывать не на денежные потоки, а только на постоянный рост стоимости активов — в случае прекращения роста они оказываются неплатежеспособными: наступает момент Минского (*Minsky moment*).

¹⁵ *Wolf M.* // FT.com Economists' Forum. 2008. Nov. 27.

¹⁶ Вообще говоря, с бюджетным дефицитом последовательно боролись только в Европе. Жан-Поль Фитусси заметил по этому поводу, что теория неэффективности макроэкономической (кейнсианской) политики была создана в Америке, но такое впечатление, что не Америка, а Европа стала главным полем ее применения (*Fitoussi J.-P.* *La règle et le choix de la souveraineté économique en Europe*. P.: Seuil, 2002). В США, несмотря на шумную нелиберальную оркестровку экономической политики, бюджетный дефицит никогда не сокращался, на что неоднократно показывали пальцем уже в президентство Рональда Рейгана его многочисленные критики и разоблачители.

¹⁷ По этому поводу возможна интересная казуистика, но, к сожалению, она абстрактна и сравнивает не две параллельные эмпирии, а эмпирию с идеальной моделью экономики. Точно так же в свое время критики рыночного капитализма сравнивали его неудачу с идеальной моделью планового хозяйства.

¹⁸ Я не обсуждаю здесь остановку дальнейшего роста без упадка, то есть при сохранении достигнутого уровня. Не вполне ясно, насколько это возможно.

¹⁹ Есть прекрасная хрестоматия, где собраны важнейшие работы и фрагменты работ, содержащие классическую, ортодоксально кейнсианскую, неоклассическую и неокейнсианскую аргументацию по поводу государственного долга. См.: *The Economics of Budget Deficit* / Ch. Rowley, W. Shughart, R. Tollison (eds). Vols. 1–2. An Elgar Reference Collection, 2002.

²⁰ *Soddy Fr.* Op. cit. P. 296. Эта идея Содди вполне могла бы оказаться в центре наших рассуждений, но я предпочел на этот раз отодвинуть ее на периферию, поскольку его радикальная критика «банковского процента» не конвенциональна и ее перемещение в центр проблемы потребовало бы экстенсивной казуистики.

²¹ *Pirie M.* *Core Values* // Business. 2004. Aug. 8.

²² Для обсуждения этой идеи должна быть преодолена дискурсивная традиция, ассоциирующая кредитную экспансию с бюджетной и считающая кейнсианцев сторонниками того и другого, а неолибералов противниками того и другого. Америка начиная с Рейгана (или даже раньше) пыталась комбинировать низкие налоги (как будто бы либерализм) с бюджетным дефицитом (как будто бы кейнсианство), а что же это было на самом деле?

²³ Это и предстоит теперь сделать. Ответственные инстанции усиленно напоминают нам, что нынешняя национализация (буквальная или нет) финансовой индустрии явление временное и, после того как экономическая динамика восстановится, финансовая индустрия опять будет работать в рыночном режиме. Пора или нет убирать бюджетное стимулирование — вот одна из самых популярных тем в безбрежном море комментариев к ходу текущего кризиса. В то же время почти все наблюдатели сходятся на том, что не видно никаких серьезных признаков решительного перехода к необратимой ликвидации общественного долга.

²⁴ См., напр.: *Sennet R., Cobb J.* *The Hidden Injuries of Class*. Faber and Faber, 1992; *Sennet R.* *World of Inequality*. N.Y.; L., 2003. (На русский язык переведены две книги Ричарда Сеннета: *Сеннет Р.* *Падение публичного человека*. М.: Логос, 2002; *Он же.* *Коррозия характера*. М.: Тренды, 2004). Сеннет обсуждает связь между «взаимным уважением и признанием», с одной стороны, и «неравенством» — с другой, в условиях «состоятельного» (*affluent*) общества и системы всеобщего соцобеспечения (*welfare*), хотя впервые проблема

«нового неравенства» была поставлена еще в 1950 году. Тогда британский социолог Томас Хамфри Маршалл заметил, что вэлфер окажется, в конце концов, основой, на которой взрастет «новая структура неравенства». Эта идея подробно разработана в книге: *Marshall T. H., Bottmore T. Citizenship and Social Class*. L., 1992, на которую и ссылается Сеннет.

²⁵ Интервью Лорана Паризо опубликовано в книге: *Dardot P., Laval C. La nouvelle raison du Monde: Essai sur la société néolibérale*. P., 2009. P. 428. Целый раздел (с. 402–456) этой книги «Изготовление неolibеральной личности» («La fabrique du sujet néolibéral») посвящен проблемам перевоспитания человека в духе неolibерального проекта; авторы книги (развивающие идеи Фуко) используют интервью Паризо (Figago. 2005. Aug. 30) как образец неolibеральной философии и не скрывают, что относятся к этому проекту крайне подозрительно.

²⁶ Школа политической экономии, известная как теория «общественного выбора» (*public choice*) и связанная с именем Джеймса Бьюкенена, объясняет, почему большинство населения и профессиональный политический класс со своими собственными интересами всегда склоняются к бюджетному дефициту.

²⁷ Враги американского империализма продолжают считать, что интересы мирового финансового капитала и Вашингтона совпадают и что, таким образом, господство финансового капитала равнозначно, в сущности, господству США. Это подозрение не безосновательно, но уже сейчас заметно, что такое представление начинает устаревать, а в перспективе мировой финансовый капитал ради своих интересов не остановится перед подчинением Вашингтона своей воле и даже перед территориальным расчленением США, как и любого другого крупного государства.